

ЛОКАРНСКАЯ АСИММЕТРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬШИ

Д.В.Офицеров

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

На основании источников, ряд из которых используется впервые рассматривается процесс создания локарнской системы безопасности в Европе.

Пакт, гарантирующий франко-германскую границу по Рейну, был подписан в Лондоне 1 декабря 1925 г. странами - участницами конференции в Локарно. Юридический подход к анализу локарнских соглашений предусматривает их оценку как дополнения предыдущих версальских соглашений. Первоначально, пожалуй, лишь сами разработчики давали им такую оправдывающую интерпретацию. В западно-европейской историографии юридическая составляющая в анализе этого политического события является довольно значимой и имеет следствием констатацию изменения отношений между Германией и Францией, но значение соглашений для Европы в целом игнорируется. Французский ученый Ж.-Б.Дюрозель¹ считает конференцию в Локарно важной вехой в европейских отношениях, но также не уделяет ей должного внимания. Напротив, польские и некоторые другие исследователи из Восточной Европы, которой эти соглашения не касались, если подходить формально, уделяют Локарно повышенное внимание². В сфере международных отношений любое дополнение к существовавшей прежде совокупности соглашений и обязательств является изменением, которое влечет за собой ряд других. Для восточно-европейского региона в межвоенный период было характерно то, что любой поворот в развитии международных отношений, двусторонних связей европейских стран отражался прежде всего на государствах данного региона. Причем в условиях сложной конфигурации противостояний в Европе того времени позиция даже такой малой восточно-европейской страны, как Польша, приобретала весомое значение. Это понимание совпадает со сложившимися в начале XX в. представлениями о значимости восточно-европейского региона, которые иначе и весьма туманно формулировались Дж. Х. Макиндером и его последователями.

С момента подписания версальских соглашений до даты проведения локарнской конференции прошло семь лет, поэтому дух гарантийного пакта был совершенно иным, сопоставительно с предыдущими договорами версальские соглашения надолго ослабляли Германию тем, что устанавливали европейский порядок без ее участия. Локарн-

ская же конференция закрепила ставшее уже неизбежным возвращение Германии в большую европейскую политику и определила именно такую схему безопасности для Западной Европы, которую побежденная Германия была согласна принять.

Проблема интересов, которые связывались с пактом или предшествовали его подписанию, зачастую рассматривается в науке исходя из анализа и оценки его результатов, что кажется логичным, но, как представляется, в принципе неверно. Является уже общим местом в исторической литературе то, что рейнский гарантийный пакт был серьезным дипломатическим поражением Франции, победой политики Шрезермана и удачным завершением британских интриг, сводившихся к установлению на европейском континенте определенного равновесия, с тем чтобы избежать континентальной гегемонии, опасность которой британцы ощутили еще в эпоху наполеоновских войн. Для Польши, как и для восточно-европейского региона в целом, гарантийный договор, обеспечивавший неизменность лишь западных границ, но не восточных, стал фактором усиления германской опасности.

Нами предпринята попытка проследить, как подготавливалось соглашение и как формировался механизм противоборства европейских держав, что позволяет критически оценить традиционные выводы, кажущиеся на первый взгляд очевидными. Это становится возможным благодаря использованию архивных материалов, еще не вовлеченных в научный оборот, хранящихся в Архиве внешней политики Российской Федерации.

Нуждается в переосмыслении традиционная оценка позиции Франции при подготовке соглашения как ведомого игрока, вынужденного под давлением Великобритании заключить невыгодный для нее пакт.

Первые упоминания о вероятности гарантийного соглашения относятся к концу 1924 г.³ Если обратиться к более раннему периоду, то можно констатировать, что и на самой версальской конференции обсуждалась подобная возможность, но даже более поздние проекты нельзя воспринимать как источники последовавшего рейнского пакта,

ставшего продуктом политической ситуации, сложившейся в 1924-1925 гг.

Многие политические силы во Франции были настроены тогда на улучшение отношений с Германией. Французский посланник в Москве Эрбетт в беседе с германским представителем Ранцау в январе 1925 г. высказался за соглашение между двумя странами, представив это как личную точку зрения.

Оценивая французскую авантюру с занятием Рура в 1923 г., он указывал, что это «понималось, как средство для ускорения соглашения»⁴, и добавлял, что «соглашение было почти достигнуто в августе 1923 г., но Куно и Розенберг были такие ярые националисты, что это не удалось»⁵.

Германский посол Ранцау в беседе с Чичериным сообщал, что из секретного источника ему удалось ознакомиться с инструкциями, данными Эрбетту, которые предполагали в числе прочих меры, направленные на разъединение Германии и России⁶. Для истолкования действий неопытного французского дипломата Чичерин предложил несколько вариантов, но на первое место ставил предположение о стремлении Франции начать сближение с Германией, но пока неофициальным путем, через Москву⁷. Французская дипломатия старательно вуалировала свой интерес к гарантийному пакту с Германией, в первую очередь опасаясь недружественной реакции со стороны своих восточно-европейских союзников. Французская пресса в начале 1925 г. старательно подчеркивала, что германское выступление с предложением гарантийного пакта было инспирировано британским послом в Берлине Э.Аберноном.

В начале 1925 г. германская дипломатия выдвигает уже готовый проект франко - англо - немецкого гарантийного пакта, составленный еще прежним канцлером Марксом. Польская разведка первоначально рассматривала этот проект как пробный шар, выражая мнение, что предложен он никогда не будет⁸. Предполагалось, что его истинная цель - ускорить эвакуацию союзнических войск из Кельнской зоны. Тем не менее проект оценивался как чрезвычайно опасный для Польши. Возможность серьезной заинтересованности Франции в пакте с Германией совершенно не рассматривалась, причиной тому было, по всей видимости, отсутствие широкой разведывательной базы в союзной с Польшей стране.

Новой инициативой Германии становится пакт пяти с участием Бельгии и Италии. Оценка германскому проекту дал II отдел Генерального штаба Польши⁹: «Одновременно они добились бы и изоляции Польши и, достигнув благоприятного настроения в международно-политической сфере, могли бы или требовать корректуры границ на востоке мирным путем, или же в будущем выступить в случае подходящей политической конъюнктуры вооруженным путем против Польши вместе с Советской

Россией. Они обрели бы возможность спокойного приготовления к войне с Польшей»¹⁰.

Германский представитель в Москве Дирксен на совещании с представителями НКВД 1 июля 1925 г. заявляет, что причиной германского предложения о гарантийном пакте было прежде всего стремление обеспечить соблюдение договора относительно демилитаризации рейнской зоны. Он добавляет, что Германия тем самым также «стремилась ослабить связи между Англией и Францией»¹¹.

Советская дипломатия, так же как и польская, была склонна видеть в консультациях и переговорах по гарантийному пакту прежде всего британский умысел. В одной из бесед Чичерин указывает немецкому представителю Ранцау на наличие комбинаций, означающих объединение Германии с Антантой против СССР; он напоминает, что «мы уже пообещали Ранцау материалы, показывающие, что основной смысл нынешнего маневра Англии заключается в том, чтобы оторвать Германию от нас»¹². Впечатление об антисоветской согласованности действий Великобритании и Германии усиливалось тем, что последняя затягивала всеми силами переговоры о гарантийном соглашении с СССР.

Ответ Франции на германский проект гарантийного пакта был составлен, по словам Дирксена¹³, в гладких фразах, но переполнен ловушками и нуждался в тщательном изучении. Необходимо отметить, что во французском ответе наиболее отчетливо прослеживались две тенденции: 1) попытка Франции объединить все вопросы и все соглашения в одно целое, чтобы тем самым сохранить влияние Франции в европейских делах, и 2) стремление превратить все немецкие арбитражные соглашения в обязательный арбитраж с вхождением Франции в качестве гаранта, причем под гарантом подразумевался обязательный третейский судья, т.е. Франция фактически должна была стать и стороной, и судьей.

Вопрос об арбитраже в отношениях между Германией и ее восточно-европейскими соседями постепенно становится наиболее спорным в консультациях и переговорах по пакту.

Чтобы обеспечить своей позиции желаемую жесткость и гарантировать себя от отступления, германская дипломатия допускает ряд жестких выступлений в отношении Польши. Канцлер Лютер, выступая в Кенигсберге 15 февраля 1925 г., впервые коснулся темы пересмотра восточных границ Германии. Идеи ревизионизма и раньше были распространены там, но впервые они были подняты на официальном уровне, после чего предложений от стран-победительниц признать восточные границы поступить уже не могло. Обращаясь к событиям более ранним, необходимо вспомнить, что при подписании версальского договора германское правительство опротестовало

новую восточную границу, и поэтому немецкие дипломаты впоследствии, нередко ссылаясь на этот факт, заявляли, что Германия не считает себя связанной своей подписью по отношению к своей восточной границе.

При переговорах по гарантийному пакту Германия сама предложила дополнить его арбитражными соглашениями со своими восточными соседями, что особенно актуально было именно в связи с предъявлением территориальных претензий к Польше. Однако необходимо учесть юридические особенности немецких арбитражных соглашений – согласно предлагавшемуся принципу разрешения споров политические вопросы должны подлежать не третейскому суду, но согласительной процедуре, носящей консультативный характер.

В секретной сводке сообщений, предоставленной Литвинову 7 апреля 1925 г. германским послом от имени имперского правительства, говорилось о значении этого предложения о третейском разбирательстве в спорных вопросах. «В действительности, - говорилось в сводке, - такого рода договор о третейском разбирательстве суть выявление воли к миру, но не отказа от политических целей, которые Германия должна преследовать в отношении своих восточных границ»¹⁴. «Польский штурм против германского предложения показывает, что в Варшаве видят в договоре о третейском разбирательстве не только недостаточное по сравнению с гарантийным договором обеспечение польских границ, но даже, наоборот, прямую угрозу этим границам»¹⁵. Соответственно Польша отклоняет германское предложение об арбитражном договоре, о чем Ранцау сообщает Литвинову в начале апреля 1925 г.

В письме советского представителя в Германии Крестинского Чичерину¹⁶ из Берлина от 19 июня 1925 г. представлен анализ французской ответной ноты по вопросам гарантийного пакта, опубликованной в тот день. В германском министерстве иностранных дел французская нота была оценена пессимистически, ответ на нее предполагалось дать лишь через 4-5 недель и в очень осторожной форме; общее впечатление было, что переговоры будут длиться еще много месяцев. Основное содержание ноты было следующим: важной предпосылкой пакта является сохранение в силе всех условий Версальского договора, другой предпосылкой пакта выдвигался принцип бессрочности, который должен быть положен в его основу (в предложениях Куно говорилось о тридцати годах).

Предполагалось, что участие Бельгии должно быть в нем обязательным. Далее, арбитражные договоры должны быть заключены между Германией и всеми заинтересованными сторонами, причем каждая из стран, подписавших в свое время версальский договор, а теперь подписывающая пакт, должна считаться гарантом всех арбитражных договоров. Это условие должно было дать Франции право выступать в качестве заинтересо-

ванной страны при столкновениях Германии с Польшей и Чехословакией.

Целью Франции было соединить вопрос заключения гарантийного пакта с вступлением Германии в Лигу Наций, без чего соглашение не может быть заключено. Для Германии вопрос о вступлении в Лигу Наций был связан с ее восточной политикой, и потому задачей немецкой дипломатии было изолировать два этих вопроса. Британия к середине 1925 г. давала понять Германии, что в этом формальном вопросе всецело поддерживает Францию. Соединенные Штаты не выражали свою позицию ясно, но, по всей видимости, предпочитали, чтобы Германия в переговорах как можно больше уступок добила от Франции. Американские дипломаты советовали германским политикам проявлять осторожность в вопросе вступления Германии в Лигу Наций.

Особые опасения относительно вступления Германии в Лигу Наций испытывала советская дипломатия. Чичерин в беседе с германским послом Ранцау в апреле 1925 г. заметил, что «в данный момент вступление Германии в Лигу Наций есть лишь составная часть общей комбинации», означавшей объединение с Антантой против нас «Я указал, - пишет Чичерин в записке об этой беседе, - что нынешний маневр Германии и Англии сознательно направлен на изолирование СССР»¹⁷. Польская дипломатия, возглавляемая министром Скшиньским, известным сторонником института Лиги Наций, напротив, видела в предполагавшемся вступлении Германии больше позитивного, связанного с неизбежным, как казалось, подчинением уставу Лиги Наций. Кроме того, ожидалось, что вступление в Лигу Наций станет источником охлаждения в отношениях Германии и СССР, а также усилит миролюбивые силы внутри страны. В связи с ожидаемым вступлением Германии в Лигу Наций польская дипломатия была готова выдвинуть требование предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги, не сомневаясь, что оно будет поддержано великими державами с целью обеспечения равновесия в Европе.

Основным пунктом противоречий, тормозившим переговоры о вступлении Германии в Лигу Наций, что было напрямую связано и с проблемой подписания пакта, был параграф 16 Устава Лиги Наций. Он предусматривал оказание помощи стране, подвергшейся агрессии всеми государствами-членами Лиги Наций. Как уже было замечено ранее, немецкая дипломатия стремилась разделить вопрос подписания гарантийного пакта и проблему вступления страны в Лигу Наций. Зато целью германских политиков было связать вступление страны в Лигу Наций с обсуждением снятия с Германии версальских ограничений, по меньшей мере поставив под сомнение их необходимость. Германия неоднократно заявляла о невозможности принятия для себя всех пунктов Устава Лиги Наций, ибо считала себя связанной с СССР торго-

выми отношениями, не позволяющими ей осуществлять эмбарго, если такое решение будет принято Советом Лиги Наций. Германия полагала также невозможным и участие в любого рода силовых акциях по причине своей разоруженности.

Уже после Локарнской конференции Штрезерман в беседе рассказывал Чичерину, что тогда было очень много разговоров о параграфе 16 и о СССР¹⁸. Бриан, представлявший Францию, возражал против позиции Германии, утверждая, что она не может поставить себя в иное положение, чем другие государства. Штрезерман вспоминает: «Однако другие участники Локарно указывали на неосновательность такого опасения (связанного с параграфом 16. – Д.О.), ибо никто вообще не считает параграф 16 связывающим; если из пятидесяти государств хотя бы двадцать будут участвовать в экзекуции, это будут считать большим успехом. Объяснения юристов тоже подтвердили германским делегатам неосновательность опасений относительно параграфа 16 и неосновательность его толкования в смысле чего-то обязательного»¹⁹. Необходимо также отметить, что еще в 1921 г. были выдвинуты тезисы на общем собрании этой организации, в которых говорилось, что каждое государство является судьей своего участия в выполнении параграфа 16.

Сводка сообщений за апрель, представленная Литвинову германским правительством с целью разъяснения своей позиции и снятия ответных опасений, связанных с готовящимся пактом, включала также и ряд специфических вопросов²⁰. В ней говорилось, что союзники, т.е. страны-победительницы, рассматривают будущую принадлежность Германии к Лиге Наций в большей степени как средство, подходящее для удовлетворения польских домогательств и для утешения Франции за погребение Женевского протокола, чем только договор о третейском разбирательстве.

Относительно возможного советско-польского спора Германия предлагала СССР следующее решение: если из-за отсутствия единогласия в Совете Лиги Наций приглашение Советского Союза к третейскому улаживанию спора не состоится, то Германия может объявить нейтралитет. Однако активное выступление Германии против Польши и в пользу советской стороны было бы все же исключено на основании статута Лиги Наций. Германия могла бы получить свободу действий против Польши только тогда, когда в советско-польском конфликте были бы затронуты ее прямые интересы, когда она эти интересы, обремененные в форму германо-польского спора, сделала бы предметом третейского разбирательства Лиги Наций и когда это разбирательство не привело бы к единогласному решению остальных членов Совета. Ранцау от имени германского правительства напомнил Литвинову, что вопрос о том, которое из двух государств является нападающей сторо-

ной, лишь в очень редких случаях может быть решен без сомнений, и если из-за отсутствия единогласия в Совете Лиги вопрос не будет решен, то никто из членов Лиги Наций не будет обязан выступать против того или иного из находящихся в конфликте государств. С германской стороны следовало заверение, что она в качестве члена Совета может воспрепятствовать принятию любого решения, необходимого для вынесения резолюции Лиги Наций об оказании военной помощи стране, подвергшейся агрессии, т.е. Польше, если она окажется в конфликте с СССР. Согласно заявлению германского правительства, «если же вопрос о нападении в какой-нибудь мере сомнителен, то Германия может внутри Совета Лиги Наций выступить в пользу России любыми способами»²¹. Даже в случае применения военных санкций против СССР вследствие его агрессии против Польши германское правительство предполагало поставить условие, чтобы войска и обозы военно-активного члена Лиги не проходили через Германию и чтобы на ее территории не производилось никаких военных приготовлений.

Еще в сентябре 1924 г. во время встречи советского представителя Бродовского со Штрезерманом последний заверил: «Вы ошибаетесь, что Германия, вступая в Лигу Наций, усиливает единый фронт победителей. Такого фронта вообще уже нет»²². Штрезерман, по его собственным словам, сам убедился в этом на последних консультациях в Лондоне, когда англо-французский антагонизм проявлялся буквально во всем. Удивительными и порождающими вопросы являются слова Штрезермана относительно целей Британии, обнаружившихся во время переговоров: «Англия настойчиво добивается вхождения Германии и России, чтобы создать коалицию против Франции и ее сателлитов... Одним словом, Германия надеется, находясь в Лиге Наций, ослабить Францию и ее союзников»²³.

Более чем через год, в декабре 1925 г., Штрезерман в беседе с Чичериным оправдывал уже заключенные локарнские соглашения потребностями Германии в экономическом сближении с Францией²⁴. На встреченные возражения Штрезерман ответил, что теперь, после Локарно, и во Франции, и в Германии имеется чрезвычайно сильная тяга к тому, чтобы вернуться к программе 1922 г.; торговые переговоры пошли гораздо лучше, и Англия в результате Локарно не обладает теми возможностями, которые приписываются ей советской стороной, чтобы разделять Германию и Францию. Далее, Штрезерман перешел к обычным заверениям, что Локарно не направлено против СССР, причем, что интересно, он не распространял этого на Англию. Штрезерман заявил, что Локарно не является интеллектуальным порождением Чемберлена и что от него он не слышал ни единого слова в смысле направления Локарно против СССР.

Смену ориентиров и целей германской политики в течение 1925 г. можно отнести к разряду масштабных успехов французской дипломатии. Создается впечатление, что временно, в силу успехов сближения, именно Франция и Германия выиграли от Локарнского соглашения, а Британия оказалась во временной изоляции. Британская позиция, цели и интересы ее дипломатии в период переговоров заслуживают особого внимания.

В беседе с полпредом СССР в Берлине Крестинским 10 марта 1925 г. Штресерман сказал, что не имеет обещаний со стороны Англии в смысле благоприятного для Германии изменения германо-польской границы; правда, он вспоминает о напечатанной в «Таймс» статье, явно инспирированной британским МИД и направленной против нынешних границ Польши, – статья вызвала сильное беспокойство в Варшаве²⁵.

Несколько позже, 26 мая 1925 г., в берлинском номере «Фоссише Цайтунг» публикуется телеграмма лондонского корреспондента этой газеты Эдвардса. Излагая стремления и настроения английской политики настоящего времени, Эдвардс сообщает следующее: «Англия добивается от Франции политического и финансового *desinteresment* в отношении к Польше и Румынии, так как эти государства будут составлять компенсационный объект, при помощи которого Англия будет стараться отвлечь русскую политику от Индии и Средней Азии в сторону Европы»²⁶. Несмотря на некоторое преувеличение значимости азиатского фактора при обсуждении проблем гарантийного пакта, представляется резонным замечание о Польше как компенсационном объекте. Антифранцузская сфокусированность британской политики сделала на время возможным даже благожелательное отношение Британии к раппальскому сотрудничеству Германии и СССР, т.к. оно давало немецкой дипломатии возможность добиться больших уступок в переговорах с Францией. «Газета Варшавска» так комментирует телеграмму, опубликованную в «Фоссише Цайтунг»: «Упомянутая телеграмма берлинской газеты свидетельствует о том, что между прочим в Англии думают также об урегулировании вопроса безопасности английских колоний в Азии ценой ... Польши и Румынии»²⁷. Газета выражает также мнение, широко распространенное в Польше в период переговоров по гарантийному пакту: «До сих пор переговоры английского правительства в вопросе о гарантийном договоре дали слишком много доказательств того, что Англия готова делать далеко идущие уступки Франции на западе, с тем чтобы французская политика отреклась от теперешней своей точки зрения в вопросе восточных немецких границ»²⁸. Дипломатические усилия Британии привели не к поражению позиции Франции, а к компромиссу, на который та охотно пошла, приняв германскую формулу соглашения в обмен на сближение с Германией.

Маршал польского Сейма М.Ратай в дни после Локарнской конференции писал: «Впечатление в Польше плохое – уверенность, что Локарно ослабило наш союз с Францией и помощь Франции в случае нашей войны очень мала. Фатальное впечатление также создал тот факт, что немцы не хотели признать свои восточные границы»²⁹. Еще более определенно выразился на самой конференции министр иностранных дел Польши А.Скшиньский: «Как будут выполняться союзнические обязательства Франции в случае нападения Германии на Польшу или Чехословакию? Если Франция после этого выступит против Германии, то Англия и Италия могут парализовать действия Франции. А в том случае, если на Польшу нападут русские, будет еще хуже! Франция сможет помочь своему союзнику Польше лишь проведя свои войска через территорию Германии. Но Германия уже сейчас дает понять, что она откажет в этом»³⁰.

Последующая оценка Локарнских соглашений в Польше была двойственной. Помимо негативной оценки, соответствующей приведенному выступлению Скшиньского, встречались и положительные отзывы. Они были инспирированы преимущественно министерством иностранных дел, стремившимся избежать жесткой критики общества.

Объективно Польша была поставлена лицом перед новыми международными обстоятельствами. Французские гарантии сохранения польско-германской границы не были достаточными для обеспечения безопасности Польши. В случае польско-германской войны по союзному договору с Польшей Франция была обязана выступить на ее стороне, что было бы нарушением Рейнского пакта и позволило бы Британии и Италии принять любую из сторон. Таким образом, в новой европейской войне эти два государства могли бы выступить на стороне Германии. По крайней мере, формальная юридическая сторона договора не исключала такого сценария. Важной оговоркой по отношению к франко – польскому союзу является также и то, что согласно законодательству III Республики для объявления всеобщей мобилизации требовалось согласие французского парламента, т.е. исполнение любого союзного соглашения, заключенного Францией, не вступало в силу автоматически.

После подписания 1 декабря в Лондоне соглашений, достигнутых в Локарно, с особой силой в Польше разгорелась внутренняя борьба по вопросам оценки локарнских договоренностей и деятельности министра Скшиньского. Представители всех политических партий и течений отмечали, что если бы Скшиньский не подписал Локарнские соглашения, то Британия наравне с Германией выступила бы против Польши. Принятие Германии в Лигу Наций с закреплением за ней постоянного места в Совете обострило критику Скшиньского в связи с неудачей его деятельности в том же направлении – постоянное место в Совете Лиги

Наций было одной из главных внешнеполитических задач Польши того времени.

Скиншинский уделил особое внимание в своей речи от 23 марта 1926 г. в комиссии Сейма по иностранным делам именно вопросу участия Польши в решении общеевропейских проблем. «Постулат нашей политики, - утверждал он, - одновременное с Германией принятие Польши в Совет было вызвано не соображениями престижа, но потому, что мы не верим, что гарантии мира и моральное разоружение возможно без нашего присутствия у стола Совета Лиги, при котором будет сидеть Германия; только общность разговоров в мирной атмосфере может улучшить взаимоотношения»³¹.

По мнению депутата Сейды³², отказ Польше в предоставлении постоянного места в Совете Лиги Наций означал банкротство Локарно, если не в формальном, то, по крайней мере, в морально-политическом значении слова «Дух Локарно». В своей речи Сейда отмечал, что отказ Польше состоялся без значительного сопротивления даже со стороны французской делегации.

С точки зрения, распространенной в Польше, французская политика в переговорах по гарантийному пакту и другим, связанным с ним вопросам, потерпела поражение от британской и германской дипломатии, что вовсе не соответствовало точке зрения самих французов. Смысл постоянных требований Францией гарантии границ на востоке Европы заключался, по всей видимости, в том, чтобы путем снятия этих требований в ходе переговоров добиться ответных компенсационных уступок со стороны Германии и других участвующих в переговорах сторон. Помимо того, требования Франции были частью патроналистской игры, которую она вела в Восточной Европе, и, хотя ее авторитет там значительно пошатнулся после Локарно, французской дипломатии все же удалось сохранить в регионе лидирующие позиции среди прочих великих держав. Это можно расценивать как значительный внешнеполитический успех Франции, как и то, что ей удалось изолировать Британию и отнять у нее роль арбитра во франко-германских отношениях. Это было чрезвычайно сложной задачей, если учесть, что именно инициативой американской и британской дипломатии был план Дауэса, введенный в действие незадолго до Локарно и значительно усиливавший влияние англосаксонской политики в Германии³³.

Из всех восточно-европейских стран, пожалуй, в Польше произошло наибольшее охлаждение в отношении к Франции.

Вскоре после гарантийного пакта Британия начинает принимать меры, чтобы выровнять свои позиции в Европе, причем значительное внимание политики обращают теперь на Польшу и на Балканы. По мнению советской дипломатии, опасное международное положение и экономический кризис создают «условия, при которых неизбежно

будет усиливаться английское влияние. В настоящее время происходит довольно болезненный процесс перемены ориентации с французской на английскую»³⁴. Такую переориентацию было бы проще произвести левым партиям и заинтересованным группам, нежели правым народным демократам. В связи с этим аналитики советского полпредства в Варшаве ожидали скорейшего усиления левых группировок, как это ни парадоксально, враждебных СССР, а также отмечали уже начавшее набирать темпы увеличение влияния Пилсудского внутри страны. Для групп, связанных с маршалом Пилсудским, ослабление влияния Франции на Восточную Европу означало реанимацию надежд, связанных с упрочением собственно польского влияния в регионе. Вновь становится актуальной идея первых лет польской независимости – создания в Восточной Европе блока государств от Балтийского до Черного моря под эгидой Польши.

После Локарно и последовавшего вскоре, в мае 1926 г., переворота в Польше, приведшего к диктатуре Пилсудского, начинается новый этап во внешней политике этой страны, складывается и новая международнополитическая констелляция в регионе.

Примечания

¹ Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. Paris, 1962.

² Подробнее об этом см.: Czubiński A. Najnowsze dzieje Polski. 1914-1983. Warszawa, 1987; Konopczyński W. Historia polityczna Polski. 1914 – 1939. Warszawa, 1995; Kukulka J. Francja a Polska po traktacie wersalskim. Warszawa, 1990; Łossowski P. Polska w Europie i świecie 1918 – 1939. Warszawa, 1990.

³ РГВА. Ф.460, оп.1, д.120, л.72.

⁴ АВП РФ. Ф.04, оп.13, папка 87, д.50119, л.5.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л.6.

⁷ Там же.

⁸ РГВА. Ф.460, оп.1, д.120, л.72.

⁹ В те годы функции внешней разведки выполнял II отдел Генерального штаба Польши.

¹⁰ РГВА. Ф.460, оп.1, д.121, л.34.

¹¹ АВП РФ. Ф.04, оп.13, папка 87, д.50119, л.47.

¹² Там же. Л.29.

¹³ Там же. Л.47.

¹⁴ Там же. Папка 92, д.50251, л.9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д.50247, л.171.

¹⁷ Там же. Папка 87, д.50119, л.29.

¹⁸ Там же. Л.108.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Папка 92, д.50251, л.8.

²¹ Там же.

- ²² Там же. Д.50247, л.26.
²³ Там же.
²⁴ Там же. Папка 87, д.50119, л.109.
²⁵ Там же. Папка 92, д.50247, л.127.
²⁶ Fossische Zeitung. 1925. 26 Mai.
²⁷ Gazeta Warszawska. 1925. 27 Maj.
²⁸ Там же.
²⁹ Rataj M. Pamiętniki. Warszawa, 1965. С.326.
³⁰ Табуи Ж. XX лет дипломатической борьбы. М., 1960. С.64.
- ³¹ АВП РФ. Ф.0122, оп.11, папка 33, д.27, л.5.
³² Там же. Л.4.
³³ План Дауэса имел целью экономическое восстановление Германии: за шесть лет действия плана Дауэса (1924-1929) Германия получила в виде кредитов от США и Германии вдвое больше (до 21 млрд. марок), чем она должна была выплатить в качестве репараций (10,15 млрд. марок).
³⁴ АВП РФ. Ф.122, оп.8, папка 40, д.44, л.37-38.

THE LOCARNO ASYMMETRY OF EUROPEAN SECURITY SYSTEM AND STANDING OF POLAND

D.V.Ofitserov

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

Based on sources some of which are used for the first time, the article considers the process of creation of the Locarno European security system.